

ДЕБЮТ

Екатерина КЛИМАКОВА

ГОСТЬ

* * *

На обоях цветы неизвестной страны,
а из детства всплывают ромашки и СССР,
и 9 мая салют, и отец-офицер,
золотые «СА» на погонах на старой
афганке,
я рисую цветы, я рисую горящие танки
и себя на коне и в чапаевской бурке,
спасающей маму,
чтобы пела мне песни,
в моем букваре мыла раму...
На обоях цветы неизвестной страны.
Слышишь, мама? В этих старых обоях
мне надо дожить до утра.
За окном чья-то пьяная глотка
ликует: «Ура!»
У меня – тишина и такие же пьяные сны.
На обоях сияют цветы неизвестной страны.

Гость

Ночь темна, как в балладах Жуковского.
Ночь тиха, как сто мёртвых сверчат.
Я жду в гости на чай Маяковского,
Чтобы вместе с тоски помолчать.

В прошлый раз он читал мне Есенина
И ругал чью-то злую муру.

Вот придёт, усмехнется рассеянно
И усядется тихо в углу:

– Ночь тепла, Катерина Валерьевна...

– Ночь, Владимир Владимыч, тиха,
Так тиха, что от счастья, наверное,
В ней не грех снизойти до греха.
Не простая причина, не веская,
А с десяток пустышных помех.
Из-за них в это утро апрельское
Застрелиться бы...

– было не грех.
...Если б кто-то был рядом, наверное...
...Если б кто-то услышал, тогда...

– Ночь тепла, Катерина Валерьевна,
Только ночь и тепла – вот беда.
Днём прохладно и флоре, и фауне,
Мир дрожит на ветру, как желе...

Нас услышит игрушечный браунинг
И всерьёз усмехнётся в столе.

* * *

Мерцали свечи в бронзовых оправках,
Кружились в танце тени на стене,
Кружилось счастье, и кружилась слава...
К войне...

Екатерина Климакова родилась в 1985 г. Живёт в Новосибирске. Кандидат филологических наук, преподаватель НГТУ и СибГУТИ. Автор двух книг. Публиковалась в коллективных сборниках и толстых журналах: «Сибирские огни», «Дальний Восток», LICHTUNGEN (Австрия), «Новосибирск». Участник Всероссийского совещания молодых писателей (Сургут, 2009).

Мелькали взгляды и изгибы талий,
Кружились плечи, а в девичьем сне
Польную пахли розы всех Италий...
К войне...

Дремали избы, яры и канавы,
И по осенней золотой стране
Погонами земли желтели травы
К войне...

Молился люд за здравие самодержца...
Пророчили о Трое и коне.
Лик всадника. Личина громовержца...
К войне...

В тот день на западе рождалось утро,
Мерцали свечи над тревогой сна,
И шла под молчаливым перламутром
Война.

* * *
Как страшен русский вальс
В сибирском кабаке.
...Полночный волчий час
На ледяной реке...
Как страшен горький бал!
Как женщина пьяна!
Растерзанный рояль
Рыдает у окна.

Как чуток вечный снег
На гибельную весть!
Бездумный пьяный грех,
И вмерзший в землю крест.
Голодный драный пес.
Холодный револьвер.
Звериный темный лес.
...Молился как умел...

Не верил. Но хотел
Найти тепло, очаг.
...Рояль, романс, метель.
Предбред. Неверный шаг.
Накурено и грязь,
Давно не мытый пол.
Горячих нервов вязь.
Холодный верный ствол.

Всё седина да пыль.
Бездушные снега.
Впечатанный ковыль
Конями в берега.
Предсмертно пьян отряд
В десяток человек.
Как шлюха, рад закат
Одеться в алый снег.

Как страшен стылый час!
Как женщина пьяна!
Как страшен свет окна!
Как темен цвет вина!

Как бел подлунный хлад,
И как далек Урал!
И я... как будто рад,
Что выжил адмирал...

* * *
Людно в мире, пусто в храме,
в храме тихо и мороз.
В золотом окладе, как в оконной раме,
виден заглянувший
в мертвый храм
Христос.

* * *
У меня не будет сына,
у меня не будет сада.
Будет рыжая рябина
у серебряной ограды.
Будут серые сороки
сплетничать на голых ветках:
Толи к сроку, толь не к сроку...
Две сороки, две соседки...

Головой – к деревне, а ногами – в поле...
Отплясала радость, отбродила воля,
Отпылили земли, отболело пламя.
Рыжая рябина между мной и вами.

У меня не будет дома,
у меня не будет славы,
Будут дважды два пиона
на снегу лежать кроваво.
К ночи заметет тропинку
к духом выстланному дому,
Звезды будут словно льдинки,
будет пошло и знакомо.

Головой – к деревне, а ногами – в поле...
Не имею в мире притязаний боле,
Отжелало сердце, отскрипели струны,
Побелели вены, пожелтели луны.

У меня не будет гостя,
у меня не будет хлеба.
Ветреной весенней злостью
занесет ресничку вербы,
Мой портрет тепло ответит,
побегут века и годы,
Будут биться волны Леты
в деревянную колоду.

Головой – к деревне, а ногами – в поле...
Отсмеялось солнце над чужою болью.
Вырастет из сердца сказочника-вора
Рыжая рябина в серебре забора.

Я хотел, чтоб жило имя,
ну, хотя бы, имя рода,

Я хотел, чтоб хоронили,
как хоронят всех "народных".
Это лживая отрада...
В мире так хотелось сына!
У серебряной ограды
плачет рыжая рябина...

Старая песня

Нагадала цыганка мне покой лишь в гробу,
Падал-скалился джокер на кривую судьбу,
Щурил хитро, лукаво он лихие глаза
И лежал по соседству с красной бубной туза.

И звенели гитары во хмелю и во зле,
И зачем-то я нужен был на этой земле,
И сверчок заливался для меня в тишине,
И как будто Всевышний даже знал обо мне.

А цыганка гадала, пели скрипки в тоске.
Мне пророчили счастье, как всегда, –
вдалеке,
Чашу, полную боли да плохого вина...
Скомороху и вору смерть любая красна.

Пел, плясал, зубоскалил, ставил на кон
восход,
И шептались родные, что в семье
есть урод.
А уродам – дорога... Хоть до неба пешком!
И родился неумным, и помру дураком.

* * *

I

Я вышивала образа, иголка падала,
И красный угол при свечах сиял окладами,
Стопа белела в сундуке рубах неношенных,
И плакал Гамаюн в ночных лугах
некошених.

Лучинка гасла, цепкий мрак впивался
в горницу,
И мне хотелось за тобой умчаться
горлицей,
В чужую даль, в чужую быль да в речи
бранные,
Кружить, искать тебя в бою
меж ятаганами

И отвести, и защитить крылом, молитвою.
Все жены плачут в теремах над вашей
битвою.
А вы, в минувшей победив, начнете новую.
В опочивальнях тишь да стиль – мы стали
вдовами.

Тот лютый сон, огромный зверь витал
над хатами,
Над теремами, над дворцами,
над палатами.
Закат вливался краснотой в рубцы
окладные.
Я вышивала образа, и небо падало.

II

То не черного ворона тень на бурой
земле –
Ты голубкою белою прилетела ко мне,
Всё кружилась и плакала, провожая
меня,
В ковылях распростертого, во пыли,
без коня.

То не ветер бесчувственный растревожил
жнивье,
То не ветер лелеял, а дыханье твое.
Ты шептала, оплакивая и прощая меня,
Саблей вострой сраженного во пыли
без коня.

То не звезды холодные мне светили
во тьме,
А глаза твои синие, словно небо в весне,
Словно травы до одури расцвели
в этот год,
И поил их бессмертием ярко-желтый
восход.

То не черного ворона тень на бурой
земле –
Тихой, мирною птицею ты явилась ко мне.
И, любовь безысходную во степи хороня,
Ты голубкою белою отпевала меня.

По Чуйскому тракту

Солнце стекает по склонам
устало и радостно,
преодолев перевалы.
Мохнатым горбам в кедраче все равно –
что светило, что просто туристы.
Ползут и ползут, и пускай,
если им не живется спокойно в долинах,
если синий хребет горизонта
так жизненно необходимо
увидеть и отодвинуть.

Мне снятся зачем-то не волны
и не корабли,
а серпантин
перевала Чике-Таман
по старому Чуйскому тракту,
где тяжелые автомобили
с ревом и ужасом жались к скале,
а колеса тянулись, как глупые дети,
в запретную пропасть,

что скрыта чудесной картинкой пейзажа.
 Я хотел бы тогда быть шофером
 и погибнуть на Чике-Тамане, и даже
 я хотел бы родиться вот этим
 раскосым алтайским ребенком,
 что в грязных штанах и отцовских калошах
 гонит отару
 вдоль Чуйского тракта в сторону Онгудая
 и, конечно, мечтает когда-нибудь вырасти
 баем,
 чтобы раскосой девочке с именем
 Каргалаш
 дарить золотые браслеты на тонкие руки.

Я жил в тех веках,
 где стреляли рогатки и луки,
 и скифская женщина
 желтые локоны сильных волос
 омывала в Катунь,
 и глаз, и волны бирюза мне смеялась
 и пела,
 и ветер завидовал скорости
 пегого скакуна.

Над рыжим курганом оплакивали меня...
 ...и солнце стекало по склонам
 устало и радостно,
 преодолев перевалы.

Бабье лето

Мокрое дыханье осени,
 Чайное и терпкое.
 Небо виснет белой проседью
 Над людскими кепками.

Голову склоняет рыжую
 Небо по-над речкою.
 Солнца рожица бесстыжая
 Целовалась с вечностью.

Задержалась Златовласая.
 С богатырской палицей
 Мне б куражиться-выплясывать,
 Не грешить, не каяться.

* * *

...Катилось солнце за Джелалабад, и черт не знал, зачем оно катилось,
 и медсестричка громко застрелилась под четкое вручение наград.
 ...А где-то просыпался Ленинград, старушка что-то выла над иконой,
 и мама в ларчик прятала погоны и дедову медаль за Сталинград...

...Катилось солнце за Джелалабад...
 ...Садилось солнце за Джелалабад...
 ...Пожизненное – за Джелалабад...
 ...Прижизненно к вручению наград
 катилось солнце... За Джелалабад
 никто сегодня больше не в ответе...
 И на телеэкранах по планете –
 стволы и дети.

...В университетском туалете девушка рисует злого йетти,
 что в буфете трескает котлеты, а в душе – разбойник и пират.
 И смеются в зоопарке дети, и не знают, что на белом свете
 солнце сядет за Джелалабад.

...На полу в каких-то там Европах
 будет предназначено ко гробу
 множество баранов и ягнят.
 Кто с молитвой зачищает провод?
 Как же этот правоверный молодец!
 Он знает, что на небе всех простят,
 что солнце сядет за Джелалабад,
 что все грехи смывают только кровью,
 и светлый дух встает во изголовье.

С огромной беззастенчивой любовью
 сжимает камень мальчик Мухаммад.

...И в зоопарк плетется детский сад...